

УДК 82-2

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-176-180

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ДРАМЫ ХАННЫ КАУЛИ «ДЕНЬ В ТУРЦИИ, ИЛИ РУССКИЕ РАБЫ»

© Олег Поляков

THE NATIONAL TEXT OF HANNAH COWLEY'S DRAMA "A DAY IN TURKEY; OR THE RUSSIAN SLAVES"

Oleg Polyakov

The paper analyzes the specificity of imagological representation in the play "A Day in Turkey; or The Russian Slaves" (1791) by Hannah Cowley, a prominent English 18th-century playwright. We consider the literary and historical-political contexts and pretexts of Cowley's drama in connection with the most outstanding geopolitical events of the last decade of the 18th century (the Great French Revolution, the Russian-Turkish War of 1787-1791) and outline a number of plays, which belong to the "oriental text" of English drama. A peculiar feature of the play "A Day in Turkey; or The Russian Slaves" is the realization of imagological heteroglossia as well as the interaction of particular national representations in the framework of political and feminist discourse. This interaction is analyzed based on the national images of Russia, Turkey and France, regarding the genre strategies of the play. Special attention is paid to "the Russian text" of the drama marked by a positive evaluation of the national hetero-image and the absence of imagological aggressiveness, which is quite natural in the case of rival countries. Russian personages carry the main ideological load of the play, embodying the author's humanistic message.

Keywords: John Steinbeck, travelogue, imagological representation, stereotype, image of the Other

В статье рассматриваются особенности имагологической репрезентации в произведении видного английского драматурга XVIII века Ханны Каули «День в Турции, или Русские рабы» (1791). Проанализированы литературные и историко-политические контексты и претексты драмы Каули, ее связь с крупнейшими геополитическими событиями конца XVIII века (Великая французская революция, Русско-турецкая война 1787–1791 гг.), выделен круг произведений, входящих в «ориентальный текст» английской драмы. Особенностью драмы «День в Турции, или Русские рабы» является введение в ее структуру имагологической «гетероглоссии», осуществление взаимодействия отдельных национальных репрезентаций в рамках политического и феминистского дискурсов, которое проанализировано на примере конструирования национальных образов России, Турции, Франции с учетом жанровых стратегий Х. Каули. Особое внимание уделено «русскому тексту» драмы, отмеченному положительной валоризацией национального гетерообраза и отсутствием имагологической агрессивности, вполне закономерной для соперничающих стран. Русские персонажи выполняют основную идейную нагрузку пьесы, воплощая авторский гуманистический идеал.

Ключевые слова: Ханна Каули, «День в Турции, или Русские рабы», имагологическая репрезентация, стереотип, образ «другого»

Для цитирования: Поляков О. Национальный текст драмы Ханны Каули «День в Турции, или Русские рабы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 176–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-176-180

В английской драматургии на протяжении нескольких столетий оставался неизменным интерес к ориентальной тематике, разработка которой велась и в эпоху Ренессанса, и в период Реставрации; отчасти традиции интерпретации восточного материала были сохранены в XVIII в., при этом происходила трансформация жанрового

канона – его обогащение просветительскими идеями и внедрение в поэтику восточной драмы элементов сентиментализма и предромантизма. Кроме того, известные ориентальные сюжеты, заимствованные из хроник, произведений Ж. Расина, Вольтера и других авторов, подвергались политической актуализации, отражая поле-

мику вигов и тори, а также служили для воплощения представлений о «восточном другом», познание которого было необходимым как в связи с общими «космополитическими» исканиями английских просветителей, так и в аспекте постижения национального «своего».

В «ориентальном тексте» эпохи Просвещения выделяются пьесы, написанные на турецкие сюжеты: «Султанша» Ч. Джонсона (1717), «Прекрасная пленница» Э. Хейвуд (1721), «Зара» А. Хилла (1735), «Ирэн» С. Джонсона (1749). В них изображены судьбы европейских рабынь, которые попадают в водоворот дворцовых интриг, становятся жертвами султанов и пашей, а их христианские добродетели, вера и благочестие подвергаются суровым испытаниям. В этих произведениях воплощаются общераспространенные стереотипы о турках, многократно воспроизводившиеся в драматических текстах предшествующих эпох, в частности Возрождения («Селим, император турок» Р. Грина (ок. 1588), «Христианин, обращенный в турка» Р. Дейборна (ок. 1609), «Вероотступник» Ф. Мэссинджера (1624), в которых акцентировались набожность, честность, добросердечие христианских героев и жестокость, хитрость, вероломство турок.

Особое место среди произведений на турецкую тему занимает драма Ханна Каули «День в Турции, или Русские рабы» (1791), в которой, в отличие от ее предшественников, репрезентация национального имеет многовекторный характер, дополняя (и в значительной мере преодолевая) оппозицию «Запад – Восток» через создание имагологической «гетероглоссии», в ходе которой конструируются образы Турции, России, Англии, Франции, Италии. Кроме того, это одна из немногих английских пьес XVIII в., представляющих образ России [1, с. 46–47], [2, с. 11–14]. В их число входят «новая историческая драма» анонимного автора «Северные герои» (1748), трагедия Дж. Крэдока «Царь» (1777) и комедия Дж. О'Киффа «Царь Петр», посвященные деятельности Петра I и в основном развивающие апологетическую традицию рецепции его образа русского царя как реформатора, чья политика вестернизации России находит поддержку на Британских островах. Образ Екатерины Великой практически не разрабатывался в английской драматургии, тем более значимы отсылки к нему в пьесе «День в Турции».

Ханна Каули (1742–1809) – автор, во многом недооцененный литературоведением XX в., в первые десятилетия XXI в. была поставлена в один ряд с О. Голдсмитом и Р. Шериданом [3, с. XXXV] и названа одним из самых значи-

тельных английских драматургов эпохи Просвещения, «ключевой фигурой, обозначившей переход лондонской сцены от классицизма к романтизму» [4, с. 87]. Она прославилась своими комедиями нравов, в которых изображались сильные женские характеры, вступающие в борьбу с обществом и отстаивающие право на счастье. Среди своих учителей Каули называла У. Конгрива, Дж. Фаркера и К. Сиббера, чьи произведения представлялись ей образцами остроумия и наблюдательности, примерами «постепенного развития характера, создававшегося отдельными повторяющимися штрихами, которые приводили его в соответствие с Природой» [5, с. X].

Принцип подражания природе, как ясно из предуведомления к пьесе «День в Турции», драматург трактует с позиций миметической объективности, реалистического отображения действительности: «Истинную комедию всегда определяли как картину жизни, летопись преходящих нравов, зеркало, которое должно отражать для последующих эпох характеры и неразумие современности» [6, с. 142]. Для Х. Каули важно именно достоверное отображение времен и нравов, неслучайно она защищает от критики одного из персонажей своей драмы, француза А. Ля Грека, который органично вписан в историко-культурный контекст и апеллирует к событиям современной истории, чувствительным для английской публики проблемам, связанным с революцией и революционным террором.

Ханна Каули также представляла театр «великой национальной школой», средством формирования национальной идентичности через диалог или конфронтацию с другими национальными культурами. Так, сюжет одной из самых популярных ее пьес, «Уловка красавицы» (1782), основан на попытках главной героини Летиции устроить брак с Дорикуром, predeterminedный волей их отцов. Совершив европейский гранд тур, в ходе которого он познал манеры раскрепощенных французских и итальянских женщин, молодой джентльмен не проявляет интереса к скромной и сдержанной Летиции. Для того чтобы пробудить в нем чувство любви, героиня устраивает театр с одним актером: сначала она предстает в образе вульгарной деревенской простушки, вызывая отвращение своего жениха, а затем является Дорикуру на маскараде под маской прекрасной обольстительной незнакомки, остроумной и элегантной дамы, в которую он влюбляется. Летиция прекращает игру:

«Как видишь, я могу быть кем угодно. Так выбери мой характер по своему вкусу. Мне быть *англий-*

ской женой? Или, порвав с тем, что дано природой и воспитанием, выступить в свете во всем неотразимом блеске иностранных манер?» [7, с. 20].

Авторский патриотический посыл был понятен публике, при этом Каули стремилась в своем творчестве и к размыканию национальных границ, осмыслению общечеловеческих проблем мира и войны, свободы и рабства, взаимоотношений различных национальных культур – все эти темы нашли воплощение в драме «День в Турции».

Основная сюжетная линия драмы связана с широко известной историей XVI в. о Роксолане – славянке, попавшей в плен к туркам. Она была доставлена в Константинополь ко двору султана Сулеймана, который сделал ее своей официальной женой и освободил от рабства. Роксолана обрела могущество, активно участвовала в государственной жизни. В Англии она стала героиней пьес Р. Бойла «Трагедия Мустафы» (1665) и Э. Сеттла «Ибрагим, прославленный Басса» (1677). Помимо этих источников, Х. Каули могла опираться на «Общую историю турок» Р. Ноллса (1603). В драме «День в Турции» в турецком плену оказываются две русские женщины, Алексина и Полина, и в итоге последняя становится женой Бассы Ибрагима, который поступает еще более неожиданно, чем Сулейман: под влиянием любви он усваивает христианскую заповедь всепрощения, освобождает всех русских рабов и злокозненного охранника Азима, вознамерившегося погубить Алексину, восхваляет великодушные своей бывшей рабыни и говорит о правоте христианского вероучения («*Charming magnanimity! if it flows from your CHRISTIAN DOCTRINES such doctrines must be RIGHT, and I will closely study them*») [6, с. 180].

Обращение Каули к русской и турецкой темам было актуальным в связи с событиями Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., вызвавшими острые политические дебаты в Англии, правительство которой не желало допускать ослабления своего геополитического влияния в мире: территориальная экспансия России пугала англичан, не исключавших военное столкновение и предпринимавших дипломатические усилия, с тем чтобы склонить воюющие стороны к мирному договору. Кроме того, революционные потрясения во Франции дестабилизировали ситуацию в Европе и становились предметом дискуссий в публичном поле. В связи с этим имагологическая репрезентация в драме «День в Турции» связана с реализацией политического дискурса, постановкой вопросов о свободе, естественных правах человека, революции и войне.

Образ Франции репрезентируется в пьесе через образ А. Ля Грека, камердинера графа Орлова, который говорит Ибрагиму о «варварстве» русских, невосприимчивых к революционным идеям («*Они все еще продолжают верить, что принц более значим, чем носильщик, и что господин благороднее своего раба. О, если бы они только были со мной в Версале, когда я помогал перевернуть там все с ног на голову!*»), и тут же выражает подбострастное желание «*склонить голову*» перед сандалиями своего господина и «*лизать пыль с его прекрасных ног*» [Там же, с. 152].

А. Ля Грек наделен утонченностью и велеречивостью, которые сочетаются с грубыми шутками и эскападами, и зачастую выступает в роли паяца и лжеца (в 4-м действии, встретив Полину, он рассказывает ей о том, как дал бой туркам, разоружил полдюжины врагов и убил несколько пашей) и проявляет себя как безответственный и трусливый авантюрист (проникает в гарем в поисках любовных приключений, а когда за ним организуют погоню, умоляет рабыню спасти его). Неслучайно Басса Ибрагим относится к нему с презрением и готов предать его смерти в финале произведения. Как отмечает Б. Болтон, А. Ля Грек воплощает карикатурный собирательный образ французов в восприятии англичан в 1790-х гг., соединявший две крайности – сервильность и жестокость [Там же, с. 189].

Образ Турции в пьесе ассоциируется с несвободой, деспотией, воплощенной в метафоре гарема. В восприятии русских рабов Турция – опасный культурный чужой: турки рассматривают христиан как «полезный скот», с легкостью перерезают горло неверному, они характеризуются такими эпитетами, как *vile* ‘подлый, гнусный’, *hard-hearted* ‘жестокий’, *base* ‘низкий’, *dishonorable* ‘бесчестный’. Воплощением турецкого национального характера становится в произведении Каули охранник гарема Азим, проповедующий культурный консерватизм, строгое следование восточным обычаям и правилам поведения. Показателен его спор с другим евнухом, Мустафой, которому непонятны причины ненависти Азима по отношению к Алексине. Тот поясняет их так:

«Она русская, а значит, медведица. Она христианка, а эти христиане ведут себя в высшей степени неразумно – предают своих друзей и любят врагов <...>, в то время как истинный турок отвечает злом на зло» [Там же, с. 147].

С одной стороны, Азим представлен как классический восточный злодей, герой готической трагедии, злобный и мстительный мизан-

троп, с другой – как настоящий социальный мыслитель, подвергающий сомнению просветительские доктрины европейцев, которые объявляют свободу величайшей ценностью, а сами занимаются работорговлей, говорят о социальном равенстве и при этом кичатся своим высоким происхождением. Именно на последнее обстоятельство иронично указывает Азим, когда граф Орлов отказывается трудиться: *«Природа беспристрастна: сын императрицы получает жизнь на тех же условиях, что и сын крестьянки»* [Там же, с. 158].

В определенной мере граф Орлов наделен гордыней, но прежде всего он осознает себя воином и христианином, верным родине и возлюбленной. Его отвага вызывает уважение врагов, его бесстрашие и чувство собственного достоинства беспримерны. Рискую жизнью, Орлов пробирается в гарем и требует освободить его невесту. В следующей сцене он принимает Полину, которой признается в любви Басса, за Алексину, и в неистовстве угрожает Ибрагиму кинжалом, считая, что тот обесчестил ее. По воле случая граф Орлов, брошенный в темницу, встречает там свою возлюбленную, которую лишил свободы Азим, опасавшийся, что Алексина со временем станет любимой наложницей его господина и начнет мстить ему за пережитые унижения, и в этой кульминационной сцене происходит примирение супругов, ожидающих смерти.

Алексина идеализируется драматургом, на протяжении всего действия она хранит добродетель и готова покончить с собой при угрозе посягательств на ее честь. Сочувствующий героине евнух Мустафа, потрясенный ее стоицизмом, восклицает: *«Клянусь тюраном, я не понимаю, что происходит. Полагаю, у женщин из разных стран разные души, но такой еще не бывало в гареме»* [Там же, с. 156]. Итальянка Лауретта, страстная и раскрепощенная натура, «моделирующая» любовную интригу между Ибрагимом и Полиной, не может понять, как можно «предпочесть рукам красивого любовника объятия смерти», и называет Алексину «северным ледяником», цветком, на который со временем благотворно повлияет южное солнце, способное пробудить чувственность героини [Там же, с. 161]. Алексина и граф Орлов воплощают героическое начало пьесы, парадоксальным образом сочетаемое с ресурсами сентиментальной драмы: русским героям принадлежит большая часть реплик, призванных исторгать слезы публики.

«Русский текст» драмы «День в Турции» представлен также топонимами, зоонимами, пространственными образами: в пьесе называются Санкт-Петербург, Сибирь, северные олени и

медведи, говорится о «сибирской охоте на кабанов», воспроизводятся стереотипы о необъятной территории страны, морозах. С образом России связан один из самых лиричных пассажей драмы, реплика евнуха Мустафы, утешающего Алексину и призывающего ее не терять надежду на освобождение:

«Надежда – легкая и быстрая, как северные олени в вашей стране <...>, она пронесет тебя, как олень, через суровые морозы жизни. Запрягай надежду в свои сани, и ты быстро промчишься по бескрайним пустошам, незаметно преодолеешь порывы ветра и с улыбкой встретишь бурю» [Там же, с. 155].

Важнейшую роль среди русских персонажей и в целом в идейной структуре драмы играет образ Полины – простой крестьянской девушки, непосредственной, наивной и дерзкой, ненавидящей войну и несвободу. Узнав от Мустафы о жестоких наказаниях для наложниц в гареме, она гневно заявляет, что хотела бы повесить всех евнухов «на веревке, которая протянется до самого Санкт-Петербурга» [Там же, с. 159]. Полина, как и А. Ля Грек, воплощает фарсовое начало пьесы, в ее речи и поведении преобладает грубый комизм, но именно ей предназначено выполнить «цивилизаторскую» миссию в отношении Бассы Ибрагима, научить его любовному томлению, дать ему испытать «*sublime excesses of mutual passion*» ‘возвышенные крайности взаимной страсти’, заставить его увидеть в женщине не только объект обладания, но и возжелать ее духа (to make «*a woman's mind <...> an object of passion*») [Там же, с. 150, 164]. Это постижение науки истинной любви смягчает нрав Ибрагима, делает его более толерантным, в том числе и в вопросах веры. Для Ханны Каули история преобразования восточного деспота – это еще и авторское высказывание о возможности преодолеть униженное положение женщин, гуманизировать политику и социальные практики.

По мысли Э. Меллор, таким образом осуществляется «примирение оппозиционных дискурсов свободы и рабства, ясно раскрывающее консервативный феминизм Каули» [8, с. 59]. С другой стороны, драма «День в Турции» представляет собой имагологический текст гибридной природы, в котором происходит не только гармонизация разных жанровых поэтик (комедии, фарса, трагедии), но и организуется диалог различных дискурсов о национальном. Ханна Каули, обращаясь к «смешанной» драме, «создает трансформированный культурный микс, в котором противостоящие друг другу миры, пусть на время, соединяются в дружелюбной оппозиции» [9, с. 38]. Иными словами, на первый план дра-

матург выводит общечеловеческие ценности, превосходящие границы национальных культур. В этом заключен урок драмы «День в Турции», данный на долгие времена.

Список источников

1. Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 224 с.
2. Cross A. The Russian theme in English literature from the sixteenth century to 1980: An introductory survey and a bibliography. Oxford: W.A. Meeuws, 1985. 278 p.
3. Eighteenth-Century Women Dramatists. Ed. M. C. Finberg. Oxford: Oxford University Press, 2008. 448 p.
4. Varner P. Historical Dictionary of Romanticism in Literature. London: Rowman and Littlefield Publications, 2015. 548 p.
5. Cowley H. The Town Before You. London: G. Woodfall, 1795. 103 p.
6. Cowley H. A Day In Turkey; Or, The Russian Slaves (1791) // The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843. Ed. T. C. Crochunis, M. E. Sinatra. Abingdon; New York: Routledge, 2019. P. 138–191.
7. Cowley H. The Belle's Stratagem. London: Charles Wiley, 1825. 20 p.
8. Mellor A. K. Mothers of the Nation: Women's Political Writing in England 1780–1830. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 188 p.
9. Cucich G. Women's Cosmopolitanism and the Romantic Stage: Cowley's A Day in Turkey, or the Russian Slaves // Transnational England. Home and Abroad, 1780–1860. Ed. M. Class and T. F. Robinson. Newcastle

upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 22–40.

References

1. Mikhalskaya, N. P. (2012). *Rossiia i Angliia: problemy imagologii* [Russia and England: The Problems of Imagology]. 224 p. Samara, ООО "Porto-print". (In Russian)
2. Cross, A. (1985). *The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980: An introductory Survey and a Bibliography*. 278 pp. Oxford, W.A. Meeuws. (In English)
3. *Eighteenth-Century Women Dramatists* (2008). Ed. M. C. Finberg. 448 pp. Oxford, Oxford University Press. (In English)
4. Varner, P. (2015). *Historical Dictionary of Romanticism in Literature*. 548 pp. London, Rowman and Littlefield Publications. (In English)
5. Cowley, H. (1795). *The Town Before You*. 103 pp. London, G. Woodfall. (In English)
6. Cowley, H. (2019). *A Day in Turkey; or, The Russian Slaves* (1791). The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843. Ed. T. C. Crochunis, M. E. Sinatra. Pp. 138–191. Abingdon; New York, Routledge. (In English)
7. Cowley, H. (1825). *The Belle's Stratagem*. 20 p. London, Charles Wiley. (In English)
8. Mellor, A. K. (2002). *Mothers of the Nation: Women's Political Writing in England 1780–1830*. 188 pp. Bloomington, Indiana University Press. (In English)
9. Cucich, G. (2009). *Women's Cosmopolitanism and the Romantic Stage: Cowley's A Day in Turkey; or The Russian Slaves*. Transnational England. Home and Abroad, 1780–1860. Ed. M. Class and T. F. Robinson. Pp. 22–40. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing. (In English)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поляков Олег Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakoov@yandex.ru